

ВОЕВАЛИ, КОТОРЫЕ НЕ ПРИШЛИ»

«ГОРДОСТЬ ГОРОДА КОРОЛЁВА»
ПОСВЯЩАЕТСЯ КАВАЛЕРУ ОРДЕНОВ
«СЛАВА 2-Х И 3-Х СТЕПЕНЕЙ, КОМАНДИРУ
ОТДЕЛЕНИЯ АВТОМАТЧИКОВ 216-ГО
ГВАРДЕЙСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА,
ГВАРДИИ СТАРШЕМУ СЕРЖАНТУ
КОГУТЕНКО АЛЕКСАНДРУ ГАВРИЛОВИЧУ

есть школа вторая, которая мне очень дорога, потому что она носит имя даже не Героя Советского Союза, а участника войны, Владимира Николаевича Михайлова. А когда я узнал, что он воевал с моим отцом в одной дивизии, в 26-й гвардейской стрелковой, эта школа стала для меня самой дорогой, самой близкой.

– Сколько всего у Вас было выставок?

– Вообще, 36 персональных выставок. Первая – в 2011 году в российском консульстве, потом – в музее Героев Советского Союза и России. Выставлялся в Областной думе, 3 выставки здесь, в Королёве. Была ещё в Лыткарино Московской области, в музее современной истории России, это бывший музей революции. Потом я сделал выставку по просьбе Иосифа Давидовича Кобзона в Московском доме национальностей. На открытии этой выставки он спел нам 10 песен под фортепиано, я ему подарок сделал – огромный альбом «Москва в годы Великой Отечественной войны». Он мне сказал: «Ну, спасибо, хоть книга, которую читать можно, а то всё мне с какими-то девочками в купальниках дарят». Очень достойная встреча, я вспоминаю её часто. С ним мы познакомились в музее на Поклонной горе, там была выставка израильских художников, про Холокост.

Последние выставки у меня были в Лосино-Петровском: первую я сделал – начало контрнаступления под Москвой, вторую – снятие блокады Ленинграда, посвящённую конкретно одному человеку, он знаменитейший полковник, Валентину Васильевичу Петрову. Это человек, который учил летать всех космонавтов. И самый лучший его друг – это лётчик-космонавт Юрий Владимирович Усачёв.

– У Вас есть работы, посвящённые жертвам концлагерей?

– Да, несколько рисунков. Я был в Польше, ходил по этим лагерям, потом помог создать музей «Война и дети» в московской школе. Это о детях, которые попали в концлагерь. Я видел этих людей воочию,

«АПОФЕОЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.»

сидел с ними за столом. На встрече была женщина с татуировкой. Это Освенцим, Аушвиц татуировал так.

В Польше видел газовые камеры, стоял возле этих печек, трогал их руками, я стоял, а у меня колени стучали. Я всё это видел, я заходил в бараки. Мне попала карта Польши 1943 года – одни концлагеря. В каждой деревне у них стоит, если не костёл, то деревянная каплица, это на том месте, где был концлагерь, где сгонялись все жители этой деревушки. Там у них свадьбы проходят, похороны. И после этого, после того, что пережили, они рушат советские памятники! Они уничтожают память о тех, кто их спас! Я ездил в Белоруссию, познакомился там с одной женщиной. Рядом с Брянской областью есть деревня, и у неё там в войну семья жила: мать, отец на фронт ушёл и сестра младшая – Люба. И эта женщина мне рассказывала, что в их деревню пришли немцы и через некоторое время начали сгонять полдеревни в сарай. В этот момент местный мужичок, их сосед, ездил корову продавать в Гомельскую область, в районный центр. Едет, а население сгоняют в сарай. Ну, взрослые люди начали понимать, для чего их сгоняют. Мать этой женщины идёт, на руках Любу держит, а она, старшенькая, рядышком с ней, за ручку идёт. И едет этот их сосед на лошади. Солдаты немецкие пошли смотреть, есть ли у него самогон. А мужичок деньги затолкал в сапоги, и у него из сапога марка немецкая вылезла. Его раздели, начали обыскивать, отобрали у него всё это и отпустили. В это время люди разбежались все, остались живы. И я сделал работу «Немецкий порядок»: два немца курят, и вот эта вереница идёт в сарай. Я показал ей, она посмотрела и показала мне на рисунке: «А вот мама, а вот Люба, а вот я». У меня слёзы на глазах сразу.

– Многие Ваши рисунки на военную тему. Почему?

– Война меня затянула. Я скажу, почему. Работая в школе, с детьми, их родителями и ветеранами начали создавать военно-исторический музей, посвящённый боевому пути мальчика, Героя Советского Союза, гвардии рядового Алексея Федотовича Климашкина. Школа наша стояла на улице, носящей его имя. Мы создали этот музей за год, его признали уникальным, потом он получил премию общественного признания префекта центрального округа и занял второе место в Москве среди лучших музеев школы Москвы. К сожалению, позже пришла новый директор и сказала,

«ЗА РОДИНУ! ЗА СТАЛИНА!»
ОСВОБОЖДЕНИЕ
ПОДМОСКОВНОЙ ДЕРЕВНИ

«ЖДИ И ПОМНИ МЕНЯ», ЯНВАРЬ 1942 ГОДА.
ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ МАМЕ ВЛАСОВОЙ
ЛЮБОВИ МИХАЙЛОВНЕ И МОЕМУ ОТЦУ
ВЛАСОВУ ЯКОВУ СЕМЁНОВИЧУ

что «ничего не даёт ваш музей» и вместо того, чтобы назвать школу именем Героя, они назвали её романовской, в честь царской семьи Романовых.

Вот с тех пор я живу войной. Меня поразила судьба Климашкина, он сам. И таких ребят было много: и мальчишек, и девушек. Они и сейчас есть – на СВО. Постараюсь сделать выставку о Донбассе. Я про Афганистан начал делать, вертолётчикам посвятил. Про Чечню тоже стал рисовать, тоже вертолётчикам. А Донецк? Обязательно Донецк буду рисовать.

– Какие рисунки Вам особенно дороги?

– Например, «Прощание с другом» – отец на могиле товарища здесь изображен. Есть работа у меня, где у госпитальной кровати он сидит. Помните такую картину Верещагина «Апофеоз войны»? Ну, вот я сделал «Апофеоз Великой Отечественной войны». Это тушь, перо. Вороньё, гряда черепов. Я немцев всегда рисую в таких касках полуквадратных, в очках. Гитлер же в своё время тоже поступал в художественную академию, в Вену. И у него все работы были монументальные. И его не приняли, а вся приёмная комиссия были евреи, и он тогда на них затаил злость и сказал: «Когда я приду к власти, я вас всех уничтожу». Ему сказали, что он бездарный.

Вот эта моя работа заняла второе место в этом году на конкурсе ветеранских организаций г. Москвы, который проходил в Московском комитете ветеранов войны. Рисунок называется «Запомните нас молодыми».

Это – показывает рисунок – отец прощается со своей мамой – «До свидания, мама». Отец дожил до конца войны, а его мама нет. Мы, когда приехали в свою деревню с братом, зашли на кладбище – одни Власо-

«ЗАПОМНИТЕ НАС МОЛОДЫМИ!»

вы. Все трое погибли. Он вернулся, а остался в живых только его племянник, его брат Никиты сын. А это вот отец «Вперёд, за Родину, за Сталина». Я выставлял эту работу в музее Героев Советского Союза.

– Сколько у Вас всего работ?

– О войне уже более 250 рисунков, на все случаи жизни, любая дата.

– Когда хобби перетекло в профессию?

– Рисование? Да когда я начал создавать музей. Я в школе это делал всё. Сидя за столом, думаю: «А что я не рисую? Ну, надо же попробовать». И первая моя работа так и называлась «Память». А потом уже всё: меня захватило. Я ночью не сплю, встаю, пытаюсь что-то рисовать. У меня очень много начатых рисунков и незаконченных, очень много. Но это уже к старости, это уже апатия: ничего не интересно. Идей крутится в голове много, ну, я не знаю, как все реализовать!

– А детей не пробовали учить?

– У меня нет технологии такой, я же не профессионал, я – любитель, самоучка. У меня были школьники, которые стали профессиональными художниками, сами учат. Эти дети талантливее меня.

– Большинство Ваших работ о войне, о её героях. Пожелайте что-нибудь нашим современным героям – ребятам, которые сейчас на СВО.

– Самое главное – живыми остаться. Я перед ними преклоняюсь. Они крупнейшее дело делают. Конечно, хотелось бы, чтобы ребята все живыми вернулись. Это взрослые должны воевать там, а не молодые парни. Дети гибнуть не должны! Я очень хочу в Донецк. Особенно, на Аллею ангелов. Встать на колени и попросить прощения за то, что мы, взрослые, не уберегли их, детишек.